

DEN
PATRICK

ASHEN TORMENT

WITCH\$IGN

ДЭН
ПАТРИК

КОЛДОВСКАЯ
МЕТКА

Книга первая

Москва
2020

УДК 821.111-312.9
ББК 84(4Вел)-44
П20

Den Patrick
ASHEN TORMENT 1: WITCHSIGN

Copyright © Den Patrick 2018

Художественное оформление *Анастасии Ивановой*

Патрик, Дэн.

П20 Колдовская метка / Дэн Патрик ; [перевод с английского О. С. Захватовой]. — Москва : Эксмо, 2020. — 448 с.

ISBN 978-5-04-107173-8

Драконы давно уничтожены, как и опасная магия. За континентом Винтерквельд неусыпно бдят Зоркие. Все дети обязаны пройти Испытание.

В отдаленном северном городке живут брат с сестрой. Стейнер занят кузнечным делом, Хьелльрунн помогает по хозяйству. Но все меняется, когда Зоркие обнаруживают на одном из них отголосок магии...

Что, если Зоркие заберут не того?

Приготовьтесь к мрачному и захватывающему приключению, где каждый скрывает под маской свой секрет.

**УДК 821.111-312.9
ББК 84(4Вел)-44**

© Захватова О.С., перевод на русский язык, 2020

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2020

ISBN 978-5-04-107173-8

Посвящается Кевину

1

СТЕЙНЕР

«Последние десятилетия Святейший Синод истово
вытравлял всякую память о богинях Фрэйе и Фрейне.
И только Обожжённые Республики ревностно держались
за пережитки прошлого. Но вера Синода крепка:
когда Винтерквельд покорится, старые боги
обратятся в прах».

*Из полевых заметок иерарха Хигира,
Зоркого при Имперском Синоде*

Горн ярко пылал в темноте. Оранжевые отсветы мерцали на старом дереве кузницы; на железных крюках блестели инструменты. Стейнеру здесь нравилось: пахло раскалённым металлом и угольной пылью; сладко ныли натруженные мышцы; заготовки нетерпеливо ожидали своей очереди, а законченные — наполняли радостью. На стенах красовались его творения: небольшие ножи, кастрюли и сковороды, молотки и косы. Коллекцию дополнял чудной серп.

Наковальня пела, пока Стейнер опускал молот на раскалённый добела металл. Пот заливал глаза, струился по спине. Кузнеца переполнял восторг — наслаждение от созидания, ликование творца.

— Ну, довольно, — велел отец. — Ты, кажется, задумал меч. Имперцам такое не по вкусу.

— Позволь закончить, — с усмешкой попросил Стейнер. — Обещаю после расплавить.

Задор сына передался Мареку, и он невольно улыбнулся.

— Здорово же меч способен ударить в голову...

— Не обязательно бить по голове, — пожав плечами, хмыкнул Стейнер.

— Я про владение мечом, болван, — фыркнул в ответ отец. — Это даёт уверенность и превосходство.

Одобрения в его голосе не слышалось.

— Откуда в Циндерфеле взяться превосходству и уверенности? — удивился Стейнер. Упоение работой постепенно угасало, не помогал даже обжигающий жар кузни.

— Ниоткуда. Поэтому я сюда и переехал. — Марек размял могучие плечи и потёр обезображенную шрамами руку ладонью, на которой рубцов было не меньше. — Всё, довольно на сегодня.

Они вышли в серый сумрак. Циндерфел всегда хмурился. Отголоски войны с драконами — так говорили имперцы: чудовищные твари на долгие годы обожгли небо над континентом.

— Вечно эти тучи, — возмутился Стейнер, ёжась на холодном ветру.

— На юге всё иначе, — заметил Марек. — В Шанисронде солнце редко прячется.

— Скажи ещё, что драконы до сих пор существуют, — усмехнулся молодой кузнец.

Отец покачал головой.

— Уж об этом Империя позаботилась. Попадись к ним в лапы...

— ...живым не уйдёшь, — закончил Стейнер, потирая челюсть.

Мозолистые пальцы всё ещё с непривычкой трогали щетину. Мягкий подростковый пушок сменился жёсткой растительностью.

— Так давай купим повозку, соберём пожитки и махнём в Шанисронд.

Следом за отцом он обвёл взглядом городок, что приютился у подножия крутого склона на побережье. Крохотные окна домишек закрывали тяжёлые ставни, пропитанные солью; на соломенных крышах зеленели пятна мха. Угрюмый край — царство свирепой природы.

— Не очень-то дружелюбное местечко, — признал Марек.

— Так давай уедем.

Боль судорогой исказила лицо отца, и Стейнер тут же пожалел о своих словах. Они молча постояли под низким серым небом. Марек смотрел на беспокойное море — то ли искал что-то среди волн, набегающих на каменный пирс, то ли молил их о чём-то.

— Ты всё ещё её ждёшь?

Отец кивнул, хотел заговорить, но раздумал и вернулся в кузницу.

— Мы делали серп на прошлой неделе, ты его продал? — спросил Стейнер, чтобы увести тему от потерянной жены и утраченной матери.

Марек молча кивнул головой. Стейнер привык, что отец скуп на слова.

— Не лучшая пора для сбора трав. Кто покупатель?

— Один рыбак, — прочистив горло, ответил Марек. — Уже не припомню.

Стейнер нахмурился и стянул толстые кожаные перчатки. В таком маленьком городке покупателей знали по именам. Продать серп — дело непростое, но прибыльное, а деньги им нужны. Юноша приготовился выпытывать правду, но тут брякнула щеколда, и отец кивнул на дверь.

— Хотел бы я знать, где на этот раз гуляла Хьелль, — пробормотал Марек.

Тяжёлая деревянная дверь скрипнула, в кузницу проскользнула Хьелльрунн и сразу приблизилась к пылающему горну. В свои шестнадцать она выглядела не старше двенадцати — до того была маленькой и хрупкой. Не по размеру большая кофта болталась у колен, а на штанах, которые достались от Стейнера, не осталось живого места от заплат. Все деньги уходили на еду и кузницу, и на одежду уже хватало с трудом.

— Хоть бы причесалась перед школой, — пожурил отец, слабо улыбаясь.

— Вылитая русалка, — хмыкнул Стейнер, заметив в руках сестры ветки и чёрные перья — наверняка сокровища с пляжа.

— Ты же не веришь в эти сказки, — напомнила Хьелльрунн.

Стейнер пожал плечами.

— Ну и что? Всё равно похожа.

— Не русалок надо бояться, — промолвила Хьелльрунн. — В гавань зашёл корабль.

— Мы только что с улицы, — изумился Стейнер.

— Сами гляньте, если мне не верите. — Хьелльрунн упрямо вздернула подбородок.

— Если ты не против, я бы лучше занялся обедом, — ответил отец, не глядя детям в глаза. — Раз корабль — значит, имперцы.

— И Тройка Зорких, — добавил Стейнер, ощутив знакомый страх, какой всегда вызывал Святейший Синод.

— Не думаю. — Хьелль по очереди посмотрела на отца и брата. — Не в этот раз. Сами увидите.

* * *

— Поспорила с дядей Вернером, что заманишь нас к заливу? — поинтересовался Стейнер, вышагивая по наезженной дороге к побережью.

— Я дядю сто лет не видела, — возразила Хьелльрунн, не отрывая взгляда от серо-голубого зыбкого моря.

Дождливая мгла давила на плечи, но любопытство разгоралось всё сильнее.

— Вон он, — указал Марек.

По большей части в гавань Циндерфела заходили рыбацкие лодки — купцы не жаловали это место. Лишь жестокие бури Холодеющего океана вынуждали капитанов искать прибежище в сонном городишке.

— Корабль, — удивился Стейнер. — И, кажется, фрегат. Не понятно только, зачем его выкрасили красным.

— Ты прав, — согласился отец. — Это фрегат, но подобных я прежде не видел.

Минуя дома, они прошли извилистыми улочками и по узкой мощёной дороге спустились на побережье. С приглушённым рёвом Призрачное море набегало на галечный пляж и, отступая, оставляло пену и водоросли. Стейнер с интересом разглядывал изящный корабль — он стоял на якоре, сложив паруса, будто крылья. Издали матросы на палубе казались неугомонными муравьями. Всё судно от носа до кормы было бордовым, лишь грозно выделялась чёрная носовая фигура, раскинувшая крылья по бортам.

— Что это? — удивился Стейнер.

— Ворон, — объяснила Хьелльрунн. — Видимо, в честь Се или Вентера.

Стейнер нахмурился.

— Снова твои сказочки?

— Се и Вентер — вороны Фрейны.

— Значит, корабль не имперский, — решил Марек.

— Старые боги у них не в почёте, — добавил Стейнер.

— Богини. Не боги. Фрейна — *богиня*. — Хьелльрунн закатила глаза. — Покровительница зимы, мудрости и смерти.

Народ высыпал из домов и лавок, чтобы поглазеть на багровый корабль. Родители крепко прижимали детей и обменивались тревожными взглядами.

— Все имперские корабли сейчас должны быть на юге, — вспомнил Марек. — Терзают Шанисронд и сопровождают торговые суда в Пепельный залив.

— Наверное, пираты, — с улыбкой сказал Стейнер, чтобы подразнить сестру.

Хьелльрунн оглядела город и поморщилась.

— Интересно, сколько они дадут за глупого недоучку-кузнеца?

— Раз не умею читать — сразу глупый? — прорычал юноша сквозь зубы.

— Больно тихие для пиратов, — заметил отец. — Думаю, просто решили подлатать судно, — добавил он и, развернувшись, пошёл вверх по склону.

— Ну и кто же это тогда? — спросил Стейнер вдогонку. Долго ещё среди жителей не утихнут разговоры о фрегате.

— Не знаю. — Марек нахмурился и откашлялся.

Хьелльрунн остановилась и оглянулась. Она смотрела отрешённо, будто видела нечто, недоступное глазам брата. С таким взглядом она возвращалась из лесов и говорила о старых преданиях.

— Быть беде, — заявила девушка. — Добром это не кончится.

Слова звучали холодно и безжизненно, словно вторили небу над головой. Хьелль обернулась к Стейнеру, и он с трудом подавил дрожь. Было в его сестре что-то странное, чему не подберёшь названия, и он боялся, что правда очень скоро откроется.

* * *

— Эй, Стейнер! Привет! — Кристофин стояла на пороге таверны и озорно улыбалась, скрестив на груди руки.

Она была ровесницей молодого кузнеца, училась лучше всех и никогда не грубила старшим, правда уже два года как окончила школу.

Тусклый день выцветал, и на побережье опустилась тишина, будто все четыре ветра выжидающе затаили дыхание.

— Привет, — отозвался Стейнер. — Работаешь?

— Как обычно. Расплачиваюсь за то, что родилась в семье трактирщика.

— Дядя здесь?

Кристофин кивнула.

— А ты только ради него заглянул?

— Никогда не знаешь, с кем столкнёшься в таком месте, — пожал плечами юноша.

Они обменялись улыбками, и Стейнер задумался, о чём ещё заговорить. Некоторое время дочь трактирщика разглядывала его, но вскоре отвела взгляд.

— Что тебя выманило на улицу в такой холод?

Кристофин кивнула в сторону гавани, где горели огни корабля, будто звёзды рассыпались в море.

— Наш новый приятель, хотя его, конечно, уже не видно.

— Какие новости? — спросил Стейнер.

— Хуже не придумаешь, — ответила девушка. — На берег высадились десятка два солдат. Заняли в «Тлеющем Знамени» все комнаты.

— Имперцы?

— Наверняка Синод, — предположила Кристофин. — Припозднились они в этом году.

— Значит, Испытание, — понял Стейнер, думая о сестре. В этом году ей предстояло пройти ритуал в последний раз, но мысль не утешала. — Впустишь? Или мне замёрзнуть насмерть? — Юноша через силу улыбнулся.

— А если вход платный? Скажем, один поцелуй? — Кристофин склонила голову к плечу.

И откуда вдруг такой игривый тон? Конечно, молодой кузнец на неё заглядывался. Как и весь Циндерфел.

— Больше у меня ничего и нет, — ответил Стейнер.

— А пиво? Чем за него платить собираешься?

Юноша побренчал мелочью в кармане.

— А может, и есть.

Кристофин спиной толкнула дверь, и Стейнер ощутил укол разочарования — видимо, поцелую всё-таки не быть.

В таверну набилось полно разномастного народу от старых морских волков до розовощёких юнцов. С потолочных балок свисали яркие лампы, а нос приятно щекотала смесь пивного духа и застарелого табачного дыма.

— Он там, — указала Кристофин.

Они протолкнулись через плотную толпу моряков в дальний угол, где в уединении сидел дядя Вернер.

— Привет тебе, юный Стейнер!

Закинув ноги в тяжёлых ботинках на стол, Вернер чистил ногти коротким ножом. Это был светловолосый человек с лицом, глубоко побитым ветрами и дождём, и остриженной бородой не в пример большинству мужчин в Циндерфеле.

— С возвращением, бродяга, — ответил Стейнер.

— Садись. Или падай на стул. Выглядишь неважно. Марек тебя не кормит?

— Денег нет, на еду едва хватает. Ну, ты знаешь.

Вернер поднялся и неуклюже приобнял юношу.

— Кристофин, пива моему племяннику и тарелку рагу с хлебом. На эти кости не помешает нарастить немного мяса.

Девушка приостановилась и оглядела молодого кузнеца с ног до головы.

— Это точно.

Она растворилась в толпе, но Стейнер упрямо искал её взглядом.

— Вот так Фрёйины штучки! — воскликнул Вернер. — Меня не было всего неделю, а ты успел охмурить Кристофин. Я не осуждаю, не подумай.

— Тише ты! Я пока не предложил ей встречаться, — шикнул Стейнер и подался вперёд. — Мы скучали. Я скучал. Где ты был?

— А, да так. — Вернер отпил из кружки. — Ничего интересного. Возил копчёную рыбу в Хельвик.

— Хельвик? Местный рынок уже не годится?

Вернер только улыбнулся. Расспросить подробнее его племянник не успел — подошла Кристофин с выдавшим виды деревянным подносом и такой же потрёпанной пивной кружкой.

— Спасибо, — поблагодарил Стейнер.

— Скоро принесу рагу, — обещала подавальщица и вновь затерялась среди посетителей.

— Вид у тебя, будто плечами весь мир подпираешь, — заметил Вернер.

— Волнуюсь за Хьелльрунн, вот и всё. Со дня на день пройдёт Испытание. Никаким колдовством она, конечно, не владеет, но вечно болтает о богинях и знаках... Людям становится не по себе. — Стейнер уставился в кружку. — И мне тоже.

— Хоть бы на год оставили нас в покое, — почти прорычал дядя. — Нордвласт — не часть Империи.

— Можно подумать, это им когда-то мешало.

Синод обшаривал все города и деревни на континенте Винтерквельд и даже соседние Обожжённые республики: Свингеттевей, Ваннеронд, Дракефьёрд и Нордвласт — все они смирились с этим, но отказались отдавать своих детей воинственной Империи.

— Зачем мы их пустили? — недоумевал Стейнер. — Почему год за годом позволяем отбирать наших детей? Почему до сих пор не взбунтовались? Пусть Марек дальше уклоняется от разговора, а я уже взрослый и хочу честных ответов.

— Честных ответов, значит? — пробормотал Вернер. — Обожжённые республики не входят в состав Империи, и такова цена, чтобы сохранить независимость. Никто из нас не выстоит дольше пары месяцев против вторжения имперцев.

В очаге плясало пламя, и, глядя на него, они потягивали пиво и воображали ужасы войны, разграбленные города и деревни. Мысли Стейнера вернулись к сестре.

— До чего же она... странная — все эти амулеты из веточек и вороньи перья. Вылитая ведьма, а ведь я её брат.

— Брат не называет сестру во весь голос «ведьмой».

— Прости. — Парень огляделся, но рыбаки и местные жители большей частью говорили о своём.